

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА Евгений Козловский

ФОТО-СВИНГ

У черных есть чувство ритма,
У белых — чувство вины...

БГ. «Комната, лишенная зеркал»

Неожиданно для меня оказалось, что это — уже двенадцатая «Объяснительная записка», то есть с начала эксперимента минул уже круглый год, а со следующей — начнется новый цикл.

На самом деле, в циклическом смысле, он уже начался, если учесть сдвоенный январско-февральский номер, так что, если вслушаться, мы обнаружим некое расхождение со строгим метром, то есть почувствуем... ритм. Правда, вполне случайный и весьма неровный. Впрочем, в данном контексте — совершенно ничего не значащий, ибо так привычный нам двенадцатимесячный метр имеет крайне мало отношения к предмету наших колонок. Если совсем точно — не имеет никакого. Зато сами они, порой в скрытой форме, понятие ритма задевают почти всегда, а эта — так попросту будет посвящена ему открыто и целиком, что, наверное, понял каждый, хоть мельком глянув на выбранные для «Записки» фотографии.

Но прежде чем перейти к ритму, я хочу сделать отступление, посвященное странному открытию, посетившему меня за год работы над «Записками». Как-то, уже в районе шестой или седьмой, я озабочился вопросом: а для кого, собственно, я пишу и что я

им (тем, для кого пишу) хочу сказать? Для профессионалов? Тогда в моих «Записках» слишком много лишнего, они практически все из рассказанного мною должны знать и так, и даже — гораздо больше. Впрочем, это вряд ли: профессионалы в фотожурналы предпочитают писать, а не читать их. Тогда — для любителей, которые делают в фотографии свои первые шаги? В этом случае моим «Запискам» не хватает технологичности. Недостает рецептов, строго следуя которым, можно делать хорошие снимки. Но существуют ли такие рецепты вообще? — подумал я. И понял, что, пожалуй, не существуют.

То есть, если быть до конца точным, все мастерство фотографа легко укладывается в десяток-другой технических правил (ну, там, как зависит глубина резкости от относительного отверстия и какую надо выбирать выдержку, чтобы создать размытку движущегося объекта и тем — подчеркнуть движение), да менее десятка правил, что называется, художественных: что-нибудь там о композиции, о колорите, о свете... даже не знаю, о чем еще. И те, и другие правила нормальным, желающим научиться чему-нибудь, человеком усваиваются обычно если не за день, то много — за неделю. А дальше

в дело вступает особое, ни на чье не похожее художественное виденье мира, которому, не знаю, можно ли научиться вообще. Но, если и можно, это обычно — результат взаимодействия художественных задатков, долгого воспитания (главная часть которого приходится на самовоспитание), впитывания в себя достижений предшественников (художественной и общекультурной эрудиции), наконец, критического взгляда и... бесконечного труда.

Тем не менее, сам замысел, сама идея «Объяснительной записки» заметно облегчает мою странную, размытую и разрешимую ли вообще задачу, сводя ее к, что называется, реинжинирингу: разъятию готового продукта для понимания, как он сделан. Реинжинирингом, по Пушкину, занимался еще Сальери: «Музыку я разъял, как труп. Повеял я алгеброй гармонию...» Но одно дело — заниматься реинжинирингом чужого, другое — своего. Практически все снимки, попадающие в «Записку», были сделаны вне сознательного учета тех правил, которые потом можно из них вывести (возникает вопрос: а нужно ли тогда эти правила знать?), а были ли они заложены изначально в личность автора или стали результатом усвоения чужих достижений на уровне авто-